

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ

от

Москва

Газета №

Гигант русского театра

Как-то я получил от Владимира Ивановича письмо, которое заканчивалось так:

«Будут встречи...»

Встречи с ним — это целые главы интереснейших размышлений, бесед, воспоминаний. Во время этих встреч никто не мешает ему не спеша говорить, а мне слушать. Он как бы приносит с собой плоды своих раздумий.

Вся жизнь Владимира Ивановича определялась работой для театра или в театре, все его творчество направлено было к тому, чтобы совершить реформу в искусстве театра, отвечающую его воззрениям на работу актера и режиссера. Круг его размышлений содержит в себе преимущественно вопросы искусства и литературы. В. И. Немирович-Данченко — критик, драматург, режиссер, педагог.

В повести Тургенева «Довольно» читаем: «...сама природа, в непрерывной игре своих возникающих, исчезающих форм, не чуждается красоты. Не она ли старательно убирает самые мгновенные из своих детищ — лепестки цветов, крылья бабочек — такими прелестными красками, не она ли придает им такие изящные очертания? Красоте не нужно бесконечно жить, чтобы быть вечной — ей довольно одного мгновения».

Сколько раз я слышал от Владимира Ивановича на репетициях, в длительных обсуждениях работ актеров над ролью, в шопотом сказанной на ухо фразе во время спектакля, что даже только для одного мгновения, когда актер силой своего вдохновения покориет зрительный зал, — может существовать весь спектакль.

Сколько раз я слышал от Владимира Ивановича о том, что живая природа артиста на сцене скажется в каждом его положении, поступке, устремлении, если верно направлен его темперамент. Артист должен жить на сцене подлинной жизнью, отдаваясь всей своей натурой тому, что интуитивно схватил в природе воплощаемого им человека.

Почти каждый день после репетиций я вхожу в кабинет Владимира Ивановича. Миновав тускло освещенный днем коридор баль-этажа, отворив маленькую дверь, подхожу к угольному дивану, на котором он чаще всего отдыхает. Я никогда не могу заставить себя не думать о том, что этому человеку, одним своим видом заставляющему любого держаться подтянуто, всегда строго одетому, даже дома, свойственно нечто такое, что в нашем представлении окружало и что напоминает нам Тургенева, Чехова, Григоровича. Магнетизмом ли держаться, особенностью ли интонации, характером ли разговора и общения с собеседником? Не знаю.

Когда я беседую с Владимиром Ивановичем, чувствую себя так, точно тут, близко, герои произведений Тургенева, Чехова, Льва Толстого, Островского. Дело вовсе не в том, что Немирович-Данченко — современник этих великих русских писателей и с каждым из них встречался, творчески общаясь. Дело в том, что выдвинутые ими идеи, вошедшие в историю нашей культуры, в историю нашего искусства, горячо поддерживали Владимира Ивановича. В его деятельности они получали свое разрешение — и в сценических образах, и на страницах его книг, и в его многочисленных выступлениях.

Было бы неверно говорить о Немировиче-Данченко, как о человеке книжной мысли или театрального деятеле, который понятен только в стенах театра. Совсем нет. Я бы даже сказал, что самый облик его — не театральный. Это человек — весь в нашей прекрасной современной жизни, несмотря на его почтенные годы. От него веет жизнью шумной и разнообразной, кипящей и переливающейся яркими, солнечными красками.

Владимир Иванович неутомим. Он — участник десятков заседаний, подготовивших устав союза рабис. Нет почти ни одного живого начинания, почти ни одного крупного явления в области театральной культуры Советского Союза, которое так или иначе не связано с именем Немировича-Данченко. На приемах в Кремле, в дружеских беседах со Стахановым, с командирами Красной армии и флота, работниками периферийных театров он вбирает в себя все

живое и ценное, вдохновенно отдавая свой труд и талант социалистическому искусству и культуре.

Два года назад, накануне сорокалетнего юбилея Художественного театра, Вл. И. Немирович-Данченко писал на страницах «Известий»:

«Понадобилась Октябрьская социалистическая революция для того, чтобы в быт, в жизнь, в искусство вдруг ворвался прожектор, и в свете его стали видны раздельно крупное от мелкого, важное от второстепенного, истинная честность от показной. Революция потребовала смелости, взмаха фантазии, она укрепила веру в то, что раньше казалось самым несбыточным».

Эти слова Владимир Иванович целиком подтвердил и каждодневно подтверждает на практике.

Встречи Немировича-Данченко с Горьким в первые дни его вступления в драматургию, в период постановки пьес «Мещане», «На дне» и «Дети солнца», накануне и во время империалистической войны, вплоть до последнего года жизни великого писателя создали целую эпоху в искусстве Художественного театра.

В упомянутой статье Вл. И. Немирович-Данченко писал о Художественном театре:

«Да, теперь это театр Горького! Но театр Горького не исключает театра Чехова, а как бы вбирает его в себя».

Мы постараемся сохранить все обаяние чеховских спектаклей, но, возобновляя их, мы дадим уже Чехова очищенным от штампов, накопившихся в нашем собственном искусстве и осознаваемых нами под напором идей, охватывающих нас, как членов новой, советской интеллигенции».

Поставленная им в 1940 году пьеса Чехова «Три сестры» доказала правильность высказанного Владимиром Ивановичем. Искусство, каким сейчас владеет Художественный театр, позволило ему с удвоенной силой засверкать чудесными красками творчества Чехова. Через новые актерские индивидуальности, освобождаясь от сентиментальности и резонерства, МХАТ вступил в новую полосу своего искусства, определенную Вл. И. Немировичем-Данченко как искусство мужественной простоты. «В образе, в стихе, в характере должна быть идея, — пишет Владимир Иванович, — и все это должно быть глубоко жизненно, но и ярко театрально».

Начиная с постановки «Воскресения» Толстого, в спектаклях «Враги» Горького, «Любовь Яровая» Тренева, «Анна Каренина» и вплоть до «Трех сестер» Немирович-Данченко укрепляет принципы, легшие в основу новой полосы искусства Художественного театра. Борьба с банальностью, «традициями», штампами ложно понимаемого романтизма, декламационности и позерства, с одной стороны, и «простецкостью» и традициями, т.е. штампами самого МХАТ, с другой, — огненными буквами написана на знамени искусства, которое утверждает Вл. И. Немирович-Данченко.

В «Трех сестрах» Немирович-Данченко боролся за искусство настоящего художественного реализма. Исходя из сценических средств выражения автора, он обретает четкость композиции, во всем спектакле осуществляет единый принцип постановки.

Много раз я задумывался над тем, почему Владимир Иванович постоянно и так упорно обращает внимание на то, чтобы учли **весь** опыт организации и организованности МХАТ. И однажды после как бы мимоходом брошенной фразы: «Художественный театр должен бороться за то, что найдено, и за то, что мы ищем», я понял. Для того, чтобы в МХАТ не погасла страстность, в нем должна быть крепкая творческая дисциплина.

И не случайно за все 42 года существования Художественного театра Владимир Иванович всегда в своем кабинете — по крайней мере за десять минут до начала репетиции или заседания. Он входит на репетицию минуты в минуту в тот час, когда она назначена. Бодрый, вечно юный, творчески собранный, он работает без перерывов, со страстью, забывая, что уже пройден его восьмидесятилетний юбилей.

Вас. САХНОВСКИЙ,
народный артист РСФСР.